

АВАНТЮРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штука
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа

Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба–волшебница
Наследство бизнес–класса

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков и страстей
Знак предсказателя

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо

Сериал «Фенька - Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора
На дело со своим ментом
Охотницы за привидениями
Неопознанный ходячий объект
«Коламбия пикчерз» представляет
Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над і
Один неверный шаг

ЛЕДИ ФЕНИКС

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Леди Феникс : [роман] / Татьяна Полякова. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Авантюрный
детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-04-095559-6

Я сидела у старой мельницы, смотрела на огни в окнах домов. И представляла, как люди на кухне за столом пьют чай, болтают о пустяках. Чужой уютный мир... В моем была дорога в никуда и боязнь встретить прохожих. Мне двадцать пять лет, а за плечами целая жизнь. Долгая и безрадостная... Я могу сбежать, уехать куда-нибудь. Денег у меня нет, но это не беда. Справлюсь, как справлялась и раньше. Паспорт со мной... Его придется уничтожить... О многом я думала, и только мысли о Мартине гнала прочь. Слишком больно, слишком страшно... Луна спряталась за облаками, и стало совсем темно. Надо возвращаться. В доме старика горел свет. Не спит, ждет меня. Я была рада, что у меня есть хотя бы это убежище. Я открыла дверь, вошла в прихожую... В тот же миг что-то обрушилось на мою голову, целый фейерверк взорвался перед глазами. И тут же потух...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095559-6

© Полякова Т. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Берег встретит героя,
Берег встретит врага,
Нас всегда было двое,
А теперь только я.

В. Бутусов. «Берег»

Паренька было жаль. Он голосил так отчаянно, с такой обидой смотрел на мир, что мог разжалобить более жестокосердное существо, нежели я. Тут выяснилось, что подобных существ немного: похоже, никто, кроме меня, не обратил внимания на бедственное положение мальчишки. Народ сновал по площади туда-сюда, занятый своими проблемами, и, казалось, вообще ничего не замечал вокруг.

Десять минут назад я влилась в толпу, оставив свою машину в переулке. У меня была назначена встреча в кафе на Дворянской, а эта улица с некоторых пор стала пешеходной зоной, так что попасть туда я могла только на своих двоих. С унылым видом, глядя на себе подобных, я шла через площадь, когда там появилась компания подростков на роликах. Они быстро двигались, рассекая толпу, траектории их сходились, расходились и вновь соединялись, а по толпе прошел ропот недовольства, потому что ребята на роликах кружили по площади не просто так, а с целью, которую правоохранительные органы охарактеризовали бы как мелкое хулиганство: кого-то толкнут, с кого-то сорвут бейсболку, а вот у вопящего паренька вырвали из рук мобильный. Он шел неподалеку от меня и болтал по телефону, когда рядом возник тип на роликах, в свитере с большим воротом, натянутым на нос, и в бейс-

болке, прикрывавшей верхнюю часть лица, так что разглядеть физиономию парня было невозможно, вырвал трубку из рук мальчишки и через мгновение скрылся с глаз, оставив в душе недавнего обладателя мобильного обиду на судьбу и попранное чувство справедливости. Пареньку на вид было лет десять, и впереди его ждала долгая жизнь, в которой обидам места хватит, и мне ничто не мешало двигать дальше, посетовав на уличное безобразия, но я подошла к нему и со вздохом спросила:

— Ну и чего ты вопишь?

Он закрыл рот и взглянул на меня с откровенной надеждой, готовясь переложить на мои плечи свои проблемы, размазал по щекам слезы и ответил:

— Мобильный украли.

— Вижу, что украли, — опять вздохнула я и кивнула. — Идем.

— Куда?

— В милицию, конечно.

— В милицию? — растерялся он. — Зачем?

— Заявление писать.

Отделение милиции располагалось в переулке неподалеку. По дороге паренек, которого звали Ваней, торопливо и довольно бестолково поведал мне историю утраты мобильного телефона. Если учесть, что я была свидетелем данного события, история особого впечатления не произвела.

В отделении мы долго сновали от одного кабинета к другому, пока какой-то милиционер вдруг меня не узнал.

— Что случилось-то? — поинтересовался он с печалью в голосе, мое присутствие в коридорах родного отделения счастливее его отнюдь не сделало.

— У Ваньки мобильный украли. Вырвал из рук парень на роликах на площади.

— А-а... — кивнул он. — Опять эти роллеры.

— Что, очень досаждают? — спросила я.

Он пожал плечами:

— Да не то чтобы очень, но бывает. Три заявления уже есть, каждый раз одно и то же: выхватывают из рук мобильный — и деру.

— Но если три заявления уже есть, пора бы принять меры, — без особой уверенности произнесла я.

Слуга закона опять пожал плечами:

— Пора, конечно, только разве их поймашь? Они то в одном конце города возникнут, то в другом... На площади детни на роликах всегда полно, отличить грабителей от тех, кто просто катается, невозможно. Если установить здесь пост, то конечно... но это сколько людей надо, а у нас полно дел посерьезнее, чем всякую шпану ловить.

— Ясно, — кивнула я. — Заявление примете?

— Конечно, — порадовал он, разведя руками.

Минут десять ушло на заявление. Ванька, который поначалу оживился и смотрел по сторонам с интересом, свято веря, что взрослые дяди и тети, в большом количестве проходящие мимо, моментально бросятся искать его телефон, понемногу сник, сообразив, что особо никто не пошевелится. Когда заявление было написано и мы покинули кабинет, он с грустью спросил:

— И что теперь? — Взгляд его был суров, хоть и обращен не по адресу. А мне вдруг стало стыдно, хотя ловить шпану на улицах в мои обязанности никогда не входило.

— Если парня отыщут... — начала я и замолчала.

— И ничего сделать нельзя? — с душевной болью поинтересовался он.

— Видишь ли...

— Мне отец телефон подарил, — он не сдержался и заревел, отворачиваясь от меня.

— Понимаю. Объяснишь ему, в чем дело.

— Не объясню, — вытерев слезы кулаком, буркнул парнишка. — Его убили.

— Кто? — растерялась я.

— Пьяный дядька на машине. Сбил и уехал. Отца спасти можно было, так мама сказала, но его только утром нашли.

— Да, — вздохнула я. — История. Дядьку пьяного отыскали?

Он кивнул и вновь отвернулся.

— Ладно, найду я твой телефон, — сказала я. Теперь он смотрел внимательно, но все еще с сомнением.

— Найдете?

— Найду.

— Вы что, в милиции работаете?

— Вроде того. Будут новости — позвоню. До дома доберешься или подвезти?

— Доберусь.

— Тогда до встречи.

Я пошла по коридору, но он окликнул меня:

— А вас как зовут?

— Ольга, — ответила я, оборачиваясь. — Ольга Рязанцева.

Проще всего было отправиться в ближайший магазин и купить телефон той же модели. Немного корпус покорябать, чтобы Ванька с уверенностью не мог сказать, его вещь или нет, и, сделав доброе дело, спать себе спокойно в надежде, что оно где-то там зачтется. Но... Дед бы наверняка сказал, что мне просто нечем себя занять. Должно быть, так и есть, потому что я твердо вознамерилась найти телефон, тот самый, который Ваньке подарил погибший отец.

Покинув отделение, я пересекла площадь и вышла на Дворянскую, безнадежно опоздав на встречу. Впрочем, не очень-то это меня беспокоило. Еще находясь в милиции, я предупредила пресс-секретаря фир-

мы «Лорен», что звезды воспрепятствовали нашему свиданию, и получила заверения, что он все прекрасно понимает и встретится со мной в любое удобное для меня время. В этом я не сомневалась. Хозяйева фирмы «Лорен» в решении своих проблем очень рассчитывали на поддержку Деда (отнюдь не безвозмездную, надо сказать), а пока довольно усердно «окучивали» меня. Весть о том, что любящие сердца соединились и мы теперь с Дедом живем одним домом, быстро распространилась среди тех, кто считал необходимым знать такие вещи, и мой личный рейтинг взлетел в заоблачные выси. Будь я чуть глупей, могла бы возгордиться.

Дед в наших краях являлся единовластным хозяином, а слыл ловеласом, что в глазах избирателей по неведомой причине было скорее достоинством. В конце концов, мог себе позволить, раз давно ходит во вдовцах. О его победах рассказывали с хитрой улыбкой и с дурацким подмигиванием, присочиняя на ходу, а иногда откровенно фантазируя. Но даже самым безупречным фантазиям было далековато до реального положения дел: все особи женского пола, хоть чем-то выделяющиеся из серой массы, были Дедом замечены и обласканы, и с каждой он умудрялся расстаться так, что дамы и через год, и через два, и даже через десяток лет готовы были примчаться к нему по первому зову и совершить в его честь что-нибудь глупое и героическое.

Вот таков был наш Дед, уже довольно давно облюбовавший дом с колоннами и, судя по всему, не собиравшийся его покидать. Злые языки утверждали, что он умрет на боевом посту, как генсеки в незапамятные времена. Сам Дед о такой перспективе говорил туманно и без охоты, но планов у него было громадье, а здоровье отменное, так что, возможно, злопыхатели правы. С Дедом (это прозвище прочно утвердилось за ним еще с тех пор, когда он не был первым человеком

в наших краях, а являлся успешным предпринимателем) нас связывали давние и весьма непростые отношения. Когда-то я была влюблена в него, потом вроде бы ненавидела. Теперь он был единственным близким мне человеком, хотя еще несколько месяцев назад я подумывала связать свою судьбу с Тимуром Тагаевым, несмотря на то, что наше совместное существование особо радостным назвать было трудно.

Данному решению способствовал тот факт, что мне через некоторое время предстояло стать матерью, но Тимуру я рассказать об этом не успела, потому что он как раз в тот момент вознамерился выпустить меня на свободу, по его собственным словам. Свободу я встретила без энтузиазма, но об интересном положении продолжала молчать. К тому моменту наши отношения так запутались, что лучшим из возможных решений было хотя бы некоторое время держаться друг от друга подальше. Вот тут появился Дед и весьма настойчиво предложил мне переехать к нему. Разрыв с Тагаевым оказался куда более болезненным, чем я могла предположить, и потому я согласилась. Так что теперь мы жили под одной крышей, но наши отношения носили исключительно целомудренный характер. Дед продолжал изображать отца родного, а я — благодарное чадо. Черт знает почему мы не стали любовниками: может, он решил быть терпеливым и дать мне время во всем разобраться, а может, беременные бабы просто не вызывали у него желания. В любом случае меня это вполне устраивало.

Перебираясь на новое место жительства, я не очень-то верила, что задержусь здесь надолго. Прежде всего Дед терпеть не мог моего Сашку, рыжую таксу со скверным характером, а Сашка, естественно, не жаловал Деда. Одного этого за глаза бы хватило, чтобы разехаться в первую неделю, но оба, точно сговорившись, вели себя образцово. Дед соглашался с тем, что

Сашка гениален, а тот в знак признательности приносил ему тапки, позволял себя гладить и даже вместе с ним смотрел телевизор. Повод скандалить отпал, не возникнув, и я у Деда задержалась. Месяц назад он, как бы между прочим, заметил, что до декретного отпуска мне еще далеко и я вполне могу выйти на работу. Надо сказать, что я все еще числилась его пресс-секретарем, хотя частенько об этом забывала.

На самом-то деле я была дамой для особых поручений, далеко не всегда приятных (если честно, приятных поручений я так и не смогла припомнить, хотя потратила на это целый вечер), но беременные бабы для такой работы малопригодны, по мнению все того же Деда. Так что ничего пакостного от судьбы в этом смысле я не ожидала, поразмышляла немного и согласилась, в основном потому, что чужая квартира вгоняла в тоску. Работа помогает отвлечься, по утверждению психологов, вот так я и оказалась в родном кабинете, который, как выяснилось, все это время, пока мы с Дедом выясняли отношения, пустовал. Мое появление в доме с колоннами его свита восприняла сдержанно. Я уже пару раз уходила вроде бы навсегда, но потом возвращалась, и к моему мельканию успели привыкнуть.

Кабинет вызвал ностальгию вкупе с угрызениями совести. Угрызения в основном сводились к тому, что я знать не знала, что мне здесь делать. Я подозревала, что Дед желает видеть меня здесь по одной причине: боится, что от безделья я сотворю что-нибудь похуже, чем беременность от Тимура Тагаева, которого Дед упорно именовал «дворовой шпаной», хотя рука об руку с ним давно и основательно повышал собственное благосостояние.

Каждый день я являлась на работу, усердно занимаясь какой-нибудь ерундой, звонила десятку людей, вела какие-то переговоры... Мне было невозможно по-

верить, что в этом есть смысл, но огорчать Деда не хотелось, к тому же я уверяла себя, что несколько месяцев до ухода в декретный отпуск протянуть вполне способна.

Тимур, разумеется, знал о моем возвращении к прежней должности, и это его наверняка убедило в правильности собственного выбора, раз уж я сделала свой. Сама я тщательно избегала любых упоминаний о нем, и Дед, конечно, тоже помалкивал, так что оставалось лишь гадать, как Тагаев живет без меня, вздохнул с облегчением, или бывая любовь все еще не дает ему покоя и мешает крепко спать по ночам.

Первый месяц после нашего разрыва я все чего-то ждала, к примеру, звонка по телефону с глупым вопросом «как дела?», но он не звонил, что меня совсем не удивляло. Хорошо его зная, я была уверена: он вычеркнул меня из своей жизни, но, несмотря на эту уверенность, ждать не перестала и тянула с переездом к Деду. Хотя ничто не мешало мне заглянуть к Тимурю в офис или в его ресторан и тоже задать дурацкий вопрос: «Как дела?», ведь расстались мы вполне дружелюбно. Но в этом было столько же смысла, сколько в моем возвращении на работу. Потому эта идея так и осталась не претворенной в жизнь. Однако вопреки всякой логике я подолгу колесила по родному городу в тщетной надежде, что судьба возьмет да и сведет нас с Тимуром как бы между прочим и глупые вопросы не понадобятся. Но оказалось, что случайно встретиться в большом городе не так-то просто, тем более что Тагаев к встрече со мной отнюдь не стремился. В общем, я была свободна в полнейшем и грустнейшем смысле этого слова и уповала лишь на то, что вскоре моя жизнь изменится: родится ребенок, и в ней появится смысл, по крайней мере, я на это очень рассчитывала и даже убедила себя, что буду хорошей матерью. Тысячи людей вокруг живут так же, как и я: ходят на ра-

боту, с удивлением наблюдая, как весну сменяет лето, а лето осень, и не забивают голову размышлениями «есть ли во всем этом какой-то смысл». Следовательно, и я обойдусь.

Вот так обстояли мои дела на момент внезапной встречи с Ванькой, и то, что я решила непременно отыскать его мобильный, объяснялось полной сумятицей в моих мыслях и чувствах, так что Дед оказался бы прав, узнай он о моем решении и вынеси вердикт: затеяла я это от безделья.

Вернувшись к своей машине, я посмотрела на часы и подумала: самое время заглянуть на работу и создать видимость кипучей деятельности, чтобы Дед порадовался, а общественность не сомневалась, что деньги я получаю не просто так.

Только я выехала на проспект, как заметила стайку роллеров. Рассекая толпу, они двигались в сторону цирка. Знакомый свитер и бейсболка мелькнули перед глазами, и я устремилась следом. Однако импровизированная погоня длилась всего несколько минут, ребята свернули в парк и, пока я нашла место для парковки, скрылись с глаз, но в какой-то момент передо мной вновь мелькнула фигура в свитере, лица парня я по-прежнему не видела, зато обратила внимание на кожаный рюкзачок с портретом Мао Цзэдуна.

Когда я появилась в парке, он был тих и необитаем, а я досадливо чертыхнулась. Однако рюкзачок за спиной высокого худосочного парня давал слабую надежду, что встреча наша не последняя, являясь хоть и не бог весть какой, но зацепкой: такие рюкзаки продавались в салоне Катí Самохиной, известного в городе дизайнера. Парень, который мог позволить себе купить вещь из ее коллекции, вряд ли особо нуждался, и воровать мобильные у прохожих ему явно ни к чему. Следовательно, я имею дело не с банальными воришками, а с детками, у которых адреналин в крови

зашкаливает, а вот со здравым смыслом и прочим явные проблемы. Это вызвало досаду: мобильный он вполне мог выбросить в ближайшую урну, и Ванька лишится отцовского подарка. Злясь на неудачу, я вернулась к машине и поехала на работу. Охранник на входе бодро мне улыбнулся, я ответила улыбкой и упругой походкой направилась к лифту, демонстрируя таким образом желание служить Деду и народу изо всех имеющихся сил.

Выйдя из лифта, я едва не столкнулась с Луганским, председателем нашего Законодательного собрания. На этот пост он заступил недавно, но уже успел растерять большую часть своего оптимизма, который произвел на меня неизгладимое впечатление вкупе с удивлением: как такой человек умудрился оказаться в этом кресле? Луганскому не так давно исполнилось тридцать пять, и смысл своей жизни он видел в Служении Народу (оба слова с большой буквы). Самое смешное, что он был вполне искренен. Не перевелись еще на свете чудачки... Он получил прекрасное образование, стажировался в Англии, после чего вернулся на родину с намерением ее осчастливить. Родина к этому была не готова. Несмотря на сногшибательный оптимизм, Луганский это понял, что от благих порывов его не уберегло, и он подался в депутаты, лелея в душе надежду изменить жизнь к лучшему. Начинать следовало с законов, вот он и начал. Образование и стажировка в Англии создали ему репутацию шибко умного, что лишало его каких-либо шансов в предвыборной гонке. Этому сильно способствовали манеры Луганского, очки в золотой оправе и привычка употреблять слова и выражения, смысл которых по большей части населению был недоступен. Он заработал прозвище Хомяк из-за пухлых щек, успешно провалил одни выборы, но тут же выставил кандидатуру на другие. В пылу предвыборных баталий он так разошелся, что пару

раз замахнулся на святое, то есть позволил себе критиковать самого Деда, впоследствии сам удивляясь своей отваге, и стал предметом бесконечных насмешек для всех, кто знал не понаслышке: тягаться с хозяином мог лишь слабоумный, к тому же начисто лишенный чувства самосохранения.

И тут всех поразил Дед, должно быть, решив, что подхалимы и лизоблюды портят его репутацию демократа и защитника угнетенных (Дед обожал время от времени обниматься со старушками и брататься с рабочим классом и с этой целью не реже двух раз в год посещал предприятия, где дела шли относительно успешно), и открыто поддержал Луганского, причем особо указал на его мужество, честность и бескомпромиссность, после чего ошеломленное население, против Луганскому его досадную образованность, проголосовало за него практически единогласно. Он уверился, что честный человек способен добиться в этой жизни многого, чем окончательно подтвердил диагноз полоумного. К Деду он воспылал огромным уважением, говорил о нем с придыханием и практически в стихах, на что Дед, имея добрую душу, ответил реверансом, и Луганский в одночасье стал председателем Законодательного собрания. Щеки раздул еще больше и горел на работе, не щадя ни себя, ни других. Но вскоре энтузиазм начал таять на глазах. Хоть Луганского и считали недоумком, но дураком он отнюдь не был, и чем отечески-ласковее говорил с ним Дед, тем печальнее он становился.

Сейчас он возвращался из заветного кабинета, и сияния в его глазах практически не наблюдалось. Я хотела прошмыгнуть мимо, но он встал как вкопанный, посмотрел на меня и молвил:

— Надо поговорить.

— О чем? — удивилась я.

Но Луганский уже схватил меня за руку и повлек в